

Второй этаж был отведен под комнаты гостей, поэтому там почти не было операторов, лишь установлены камеры наблюдения.

Лу Чжи сжал запястье Шэнь Жаньсиня, с силой захлопнул дверь и, не глядя, схватил с кровати какую-то одежду, набросив её на камеру.

Даже самый нерасторопный человек на месте Шэнь Жаньсиня уже понял бы, что происходит что-то неладное. В конце концов, ни один адекватный альфа не стал бы источать столь агрессивные феромоны. У Шэнь Жаньсиня по коже побежали мурашки, он подсознательно почувствовал страх и дрожащим голосом воскликнул:

— Лу Чжи! Ты что творишь? Я не войду туда!

Но его сопротивление оказалось бесполезным. С холодным лицом Лу Чжи втолкнул его в ванную комнату и задвинул раздвижную дверь.

— Лу Чжи! — Шэнь Жаньсинь глубоко вздохнул, пытаясь воззвать к совести молодого господина Лу. — Что с тобой? С чего ты вдруг взбесился?

Не успел он договорить, как Лу Чжи прижал его к холодной, покрытой испариной стене ванной. Лу Чжи почти грубо дернул его за воротник, обнажая белоснежную шею.

— Учитель Шэнь, я думал, что смогу сдержаться, — горячее дыхание коснулось его мочки уха. — Но я переоценил себя. Когда я вижу, как ты любезничаешь с ним, я схожу с ума от ревности.

Шэнь Жаньсинь ошарашенно распахнул глаза, наполнившиеся невольными слезами. Его мозг лихорадочно работал... Лу Чжи так разозлился, потому что он слишком сблизился с Чэн Чэном? Он ревнует? Но этот способ наказания был слишком болезненным. Шэнь Жаньсинь до крови закусил нижнюю губу, сдерживая стон, рвавшийся наружу от боли.

На него обрушилась лавина феромонов, окутывая со всех сторон. Густой аромат бренди в тесном пространстве стал почти осязаемым, словно морская пучина, сдавливающая внутренности и лишаящая возможности дышать. Холодный запах эбенового дерева, смешанный с нотками флердоранжа, немощно цеплялся за властный, подавляющий аромат.

Шэнь Жаньсинь едва держался на ногах — лишь рука Лу Чжи, крепко обхватившая его за талию, не давала ему осесть на пол. Он успел лишь выдохнуть имя Лу Чжи, прежде чем голос окончательно пропал.

Лу Чжи сам не ожидал, что настолько потеряет контроль. Всё началось из-за того, что Шэнь Жаньсинь был так незащищен и доверчив с Чэн Чэном, позволяя тому осматривать и касаться своей шеи. Хотя он понимал, что Шэнь Жаньсинь ни в чем не виноват — он многое забыл, а в их отношения вмешивались мерзкие люди, из-за чего его сокровище стало таким, — ревность

все равно, словно ядовитая змея, впивалась в его сердце.

— Смотри на меня... только на меня... умоляю, задержи свой взгляд на мне хоть немного дольше.

Шэнь Жаньсинь уже не мог разобрать невнятное бормотание. Звериные клыки Лу Чжи вонзились в бледную кожу, выступая капельками алой крови. Это привело его в еще больший экстаз, и он, не заботясь ни о чем, принялся с силой вливать свои феромоны, пока каждая частица его собственного запаха не заполнила всё вокруг.

Лишь спустя долгое время хмельной дурман стал рассеиваться. Красный блеск в глазах Лу Чжи угас, и он наконец ослабил хватку — его руки до этого так сильно сжимали Шэнь Жаньсиня, словно хотели вплавить его в собственную плоть.

Только сейчас он заметил, что Шэнь Жаньсинь не может вымолвить ни слова. Боль от насильственного вливания феромонов заставила его лицо залиться слезами, длинные, словно крылья бабочки, ресницы слиплись от влаги, придавая его холодному лицу выражение невинности и жалости. Нижняя губа была изранена до крови, которая смешивалась со слюной и стекала по подбородку.

Лу Чжи замер, не ожидая, что его минутное безумие причинит Шэнь Жаньсиню столько страданий.

— Я... — он отпустил его, отступил на несколько шагов назад, и в его глазах промелькнуло раскаяние, после чего он развернулся и вышел из комнаты.

Шэнь Жаньсинь осел на пол, жадно хватая ртом воздух. Шея ныла, но удушающее давление наконец отступило.

Наказание главного героя оказалось слишком болезненным. Шэнь Жаньсинь мысленно поставил себе свечку за упокой.

Только он собрался подняться, как Лу Чжи снова вошел в комнату, неся в руках аптечку. Опустив взгляд, он достал физраствор и принялся осторожно обрабатывать рану на губе Шэнь Жаньсиня. Тот молча поджал губы, закрыл глаза и отвернулся, не произнося ни звука и не жалуясь на боль. Жжение от физраствора было ничем по сравнению с тем, что он только что перенес.

— В следующий раз оттолкни меня или выруби — делай что угодно, — руки Лу Чжи дрожали от боли за него. Он бесконечно повторял: — Прости, прости, что же я... я...

Шэнь Жаньсинь, к которому вернулись силы, почувствовал, как внутри закипает ярость. Он! Шэнь Жаньсинь! Альфа! Его, альфу, только что прижали к полу и насильно «промаркировали»

феромонами! Даже если эта имитация метки не имела силы и скоро выветрится, это было глубочайшим унижением. Чем это отличается от того, как если бы натурала принудил какой-нибудь извращенец?!

Не раздумывая, он со всей силы врезал коленом Лу Чжи в живот. Удар пришелся точно в цель, и Лу Чжи, не пытаясь защититься, отлетел назад и с грохотом врезался в стеклянную дверь.

На первом этаже все вздрогнули. Фан Юй тихо ахнул:

— Неужели господин Лу прибил учителя Шэня?

— ... — Цзян Е помолчал. — Почему? Что между ними произошло?

Чэн Чэн, не дожидаясь остальных, бросился наверх. Фан Юй и Цзян Е переглянулись и вместе с сотрудниками съемочной группы помчались за ним. Режиссер Чэн обливался потом: это же шоу о свиданиях, почему всё выглядит как разборка банды?!

Как только они вбежали в комнату, то увидели, что Лу Чжи полулежит у окна, а Шэнь Жаньсинь, схватив его за воротник, безжалостно наносит удар за ударом по его безупречному лицу. Господин Лу, мастер рукопашного боя, словно полностью сдался, принимая удары. После очередного хука его голова дернулась в сторону, из носа брызнула кровь, пол был в красных пятнах, а воздух пропитался острым, агрессивным запахом альфа-феромонов.

Фан Юй и Чэн Чэн, будучи омегами, почувствовали себя нехорошо и побледнев отступили. Глядя на эту сцену, напоминавшую место преступления, режиссер Чэн едва не получил сердечный приступ.

Видя, что Шэнь Жаньсинь не останавливается, а уже готов схватить оборудование из рук оператора, чтобы огреть им Лу Чжи, режиссер Чэн толкнул Цзян Е:

— Иди останови их!

Цзян Е послушно вырвал предмет из рук Шэнь Жаньсиня и, помолчав, выдал:

— ...Э-э, учитель Шэнь, успокойтесь, здесь нельзя убивать людей.

Все странно посмотрели на Цзян Е. Они знали, что парень всегда был невозмутим, но не до такой же степени! «Здесь нельзя убивать людей!» — серьезно?! Можно подумать, Шэнь Жаньсинь не пытался забить Лу Чжи до смерти, а просто мусор на пол бросил!

Разумеется, Шэнь Жаньсинь не собирался убивать Лу Чжи. Он напоследок пнул его ногой, почувствовал облегчение и, сердито фыркнув, вышел из комнаты.

Лу Чжи, опираясь на стену, поднялся. Режиссер Чэнь поспешно заговорил:

— Господин Лу, мы отнесемся к этому происшествию со всей серьезностью. Шэнь Жаньсинь совершил грубейшую ошибку, съемочная группа не оставит это без внимания, мы обязательно восстановим справедливость!

Лу Чжи небрежно вытер кровь с уголка рта, покачал головой и, посмотрев прямо в камеру, спокойно улыбнулся:

— Всё в порядке. Это я первым оскорбил учителя Шэня, так что я заслужил это.

<http://bllate.org/book/22429/2355135>